

М.В. Батшев

Московский генерал-губернатор князь Д.В. Голицын и столичное общество: опыт реконструкции взаимоотношений

В истории Москвы в XIX в. был период, о котором жители города вспоминали с восторгом и через несколько десятилетий. Это время генерал-губернаторства (1820–1844 гг.) светлейшего князя, героя Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов русской армии Д.В. Голицына. Главной его задачей на посту московского генерал-губернатора было восстановление города после Отечественной войны 1812 года. Он блестяще справился с этой задачей. В статье раскрывается другая сторона его деятельности – выстраивание взаимоотношений с московским образованным обществом. В рамках этой деятельности генерал-губернатор поддерживал различные общества («Московское общество сельского хозяйства», «Императорское Общества Истории и Древностей Российских» при Московском университете и др.), а также содействовал инициативам по изданию газет, журналов и книг. Ему принадлежит идея об издании специальной газеты, хозяином которой было бы губернское правление, а не частные лица (позже губернские ведомости появились во всех регионах России). В начале 1840-х гг. он создал в собственном доме салон, где собирались литераторы и профессора Московского университета.

Ключевые слова: князь Д.В. Голицын, история Москвы, история государственного управления в России в первой половине XIX в.

Полного и подробного исследования служебной деятельности (военной и гражданской) кн. Д.В. Голицына в историографии до настоящего времени не было. В работах по истории Отечественной войны 1812 года он упоминается часто, но лишь в качестве одного из целого ряда талантливых русских генералов [12; 24; 25; 29; 30]. Его деятельность на посту генерал-губернатора Москвы обычно рассматривается в контексте восстановления города после пожара 1812 г. [15; 19; 26]. Комплексного исследования, которое бы охватывало все стороны губернаторства князя в Москве, на сегодняшний день, насколько мне известно, не существует.

В связи с этим, целью данной статьи будет анализ того, как Голицын выстраивал свои отношения с московским обществом, всегда отличавшимся фрондерством по отношению к назначенному из Петербурга градоначальнику.

В отличие от одного из своих знаменитых предшественников – гр. Ф.В. Ростопчина, Голицын понимал, что для успешного управления древней столицей генерал-губернатор должен пользоваться не только поддержкой верховной власти, но и уважением жителей. Понимая это, он при каждой возможности отстаивал перед петербургскими властями интересы москвичей. Его отношение к Москве лучше всего передает запись в дневнике М.П. Погодина: Голицын говорил, что ему хочется сделать Москву «кондуктором (т.е. ведущим, проводником. – М.Б.) для всей России, чтобы отсюда сообщалось все электричество (т.е. движение. – М.Б.). Говорили об академии, для которой он хотел купить дом Пашкова, о библиотеке – дом Всевожского» [5, т. 5, с. 446]. Служивший в его канцелярии М.Д. Бутурлин писал: «Не было в Москве (и навряд ли будет у нее) градоначальника с таким значением и административным влиянием в С.-Петербурге, каким пользовался князь Д.В. Голицын» [8, т. 2, с. 27].

В силу исторического статуса и некоторой оппозиционности ко всему, что исходило из Петербурга, Москва с настороженностью встречала всех губернаторов. Наверное, единственным исключением из этого ряда явился Голицын. Его Москва приняла сразу. Но, будучи осведомлен об изменчивости и непостоянстве любви москвичей, он сразу предпринял некоторые шаги к укреплению симпатий горожан к своей персоне. Решения этой задачи он собирался добиться в т.ч. при помощи активного взаимодействия с издателями существовавших тогда в городе газет и журналов.

Первым журналом, с которым Дмитрий Владимирович выстроил хорошие отношения, был «Русский Вестник» С.Н. Глинки. В нашем распоряжении нет документов, позволяющих восстановить особенности их отношений. Но вскоре после вступления Голицына в должность Глинка писал в своем журнале: «Москва час от часу более возвеличивается, она украшается и новым своим военным генерал-губернатором. Обладая всеми качествами, составляющими героя и человека государственного, он умеет соединять снисхождение с великодушием. Хотя я в удалении живу от большого света, но и я слышал о великодушных его поступках, достойных быть записанными в летописи благотворительности и в сердцах» [9, с. 85]. С.Н. Глинка не ограничился общими словами, а приводил пример городского благоустройства: «Под Новинским, где бывает обыкновенно гулянье на Святой неделе, отделяются прекрасные огороженные площадки от Кудрина до Смоленского рынка. Место, назначенное для качель, устлается зеленеющим дерном. Все это служит и к невинному удовольствию, и к очищению городского воздуха» [Там же, с. 84]. Восторг Глинки от многочисленных преобразований,

которые на его глазах происходили в Москве, вступает в его тексте в конфликт с его же собственной честностью. В результате, выкручиваясь из непростой ситуации, он пишет: «Года два тому назад писал я... о Московском тюремном замке и о Московской Губернской яме. Они были тогда прекрасно устроены, но теперь еще лучше. Все, что можно было придумать к облегчению жребия содержащихся и в том и в другом месте, все то придумано» [9, с. 80].

В изданном в 1824 г. Глинкой путеводителе по Москве читателя встречает посвящение «Его сиятельству князю Дмитрию Владимировичу Голицыну, генералу от кавалерии, московскому военному генерал-губернатору и разных орденов кавалеру» [10, с. V]. Из него мы узнаем, что генерал-губернатор являлся инициатором издания этого путеводителя: «Под благодетельным вашим покровительством составила сия книга на французском языке: имени Вашему посвящен подлинник; позвольте и моей книге, сообразно оному изданной, тем же украсить» [Там же, с. VI]. В посвящении Глинка красноречиво описывал роль Голицына в городе: «В лице Вашего сиятельства все жители Московские видят ревностного за них ходатая; страдальцы и неимущие находят в Вас верного помощника; просвещение встречает в Вас покровителя» [Там же].

Вероятно, издание путеводителя Глинки подтолкнуло Голицына к идее создания первого статистического исследования Москвы. С этой целью он обратился к чиновнику своей канцелярии В.П. Андросову¹,

¹ Василий Петрович Андросов родился в 1801 г. в уездном городе Рославле Смоленской губернии. Имя его матери неизвестно. В документах встречаются упоминания только об его отце мещанине Петре Андросове. Василий Петрович окончил курс в местном уездном училище, а потом Смоленскую гимназию. В ней он обучался в 1816–1819 гг. В гимназии был отличником, как сказано в его аттестате: «При открытых испытаниях удостоен был три раза награждения, состоящего в книгах первого достоинства» [13, л. 7 об.]. В 1819 г. подал прошение о зачислении в число студентов Московского университета [Там же, л. 6]. В сентябре 1819 г. зачислен в число вольнослушателей этико-политического отделения университета и допущен к слушанию лекций. Во время учебы интересовался не только экономическими дисциплинами, но и литературой. В университете его считали любимым учеником профессора А.Ф. Мерзлякова. Под влиянием последнего он пробовал себя в качестве поэта и на его поэтические опыты обратил внимание знаменитый поэт рубежа XVIII–XIX вв. И.И. Дмитриев, который имел в Москве репутацию литературного авторитета [5, т. 2, с. 78]. В 1824 г. Андросов окончил университет и получил степень кандидата.

После окончания университета он поступил на службу в канцелярию московского генерал-губернатора. Одновременно с этим в 1820-х гг. активно сотрудничал в журналах, публикуя статьи по экономическим вопросам. В двух номерах «Вестника Европы» [3] он выступил со статьей в защиту философии И. Канта. Здесь он полемизировал с профессором (в 1807–1815 гг. – ректором) Виленского университета Яном Снядецким, который опубликовал в том же журнале статью с опровержением некоторых положений философии Канта. Андросов фанатично защищал Канта и не стеснялся в выражениях по отношению к своему оппоненту: «Само намерение опровергнуть Канта тогда, когда все его заслуги уже определены, бесполезно; так и самое исполнение оного г. Снядецким неудачно.

который еще в годы учебы в Московском университете проявлял интерес к статистическим исследованиям и к концу 1820-х гг. имел печатные труды на эту тему.

Первой его статистической работой была «Хозяйственная статистика России», фрагменты которой он публиковал в журналах, а потом издал отдельной книгой. На нее обратили внимание не только авторы библиографических обзоров в тогдашних журналах, но и заинтересованные читатели. Один из них, Владимир Муханов, писал в письме к брату, отправляя к нему в числе других книг и труд Андросова: «Зная, как ты любишь все то, что имеет предметом Россию или близко к ней, посылаю также на днях вышедшую “хозяйственную статистику России”, составленную г. Андросовым; по совершенному недостатку книг о России, появление посылаемого сочинения очень приятно, хотя оно и неполно и ошибочно во многом, например: о некоторых известных фабриках он вовсе не упоминает, так, по крайней мере, говорят здесь люди, занимающиеся сию частью, отдавая впрочем полную справедливость автору, который много сказал нового в своей книге» [18, с. 293–294].

После этой работы Андросов по инициативе Голицына и написал «Статистическую записку о Москве» [4, с. 122]. Книга Андросова насчитывает 13 глав, каждая из которых рассматривает Москву с определенной стороны². В рамках интересующей нас темы мы не будем подробно анализировать все главы, а остановимся только на одной. Половина главы «Физическая топография» содержит описание изменений в облике Москвы, которые были уже осуществлены в период губернаторства Д.В. Голицына или находились в стадии планирования. Московский генерал-губернатор, не будучи назван прямо, незримо присутствует на страницах книги. Один из примеров этого находим в конце первой главы: «Но какую неоценимую общественную пользу доставило

Своим прибавлением еще он нам подтвердил истину старую: *братья легко, доказывать трудно* (курсив в тексте. – М.Б.); *on mesure les tours par leurs ombres, et les grands hommes par leurs envieux* (Башни измеряются своими тенями, а великие люди – завистниками. – М.Б.); ибо я думать не могу, чтобы просвещенный, хладнокровный судья-критик мог написать о Канте, делающем эпоху в философии, то, что написал г. Снядецкий. Школьное беснование, бред, завистливость, хитросплетение и множество других подобных эпитетов, которыми удостаивает он Кантово учение, показывают, что с особым намерением решился он разбирать Канта» [3, № 3–4, с. 108–109].

Кроме статей, Андросов печатал в журналах переводы из зарубежной прессы. В «Атенеи» за 1828 г. он поместил перевод статьи «Взгляд на состояние финансов в Великобритании» [Там же].

² Первая и вторая главы посвящены физической и политической топографии; третья – домам; четвертая – народонаселению; пятая – смертности; шестая – количеству родившихся; седьмая – потреблению; восьмая – вероисповеданию; девятая – просвещению; десятая – общественной благотворительности; одиннадцатая – театру; двенадцатая – народным памятникам; тринадцатая – промышленности.

городу осушение огромного болотного, кочковатого пространства, занимающего около 300 десятин, находящегося за Бутырской заставою. Где за 9 лет перед сим были гнилые топи, наполнявшие окрестности всегдашней сыростью, – там теперь луга и богатые поля. Нужно ли кому-либо напоминать, чья это была благотворная цель, кто приискал средства и неуклонно направлял их к совершению этого общественного полезного дела?» [4, с. 18].

Выход «Статистической записки о Москве» вызвал оживленную журнальную полемику. Скажем кратко о ее участниках. Погодин поддержал своего друга: «Советуем нашим государственным людям прочесть со вниманием эту книгу в свободное время, хотя уделенное от *Journal des Debats* (курсив в тексте, имеется в виду французский «Журнал дебатов». – М.Б.). Здесь найдут они для себя много любопытных наблюдений, много предметов для важного размышления, до которого редко могут доводить текущие бумаги» [22, с. 388]. Н.А. Полевой в подробном разборе книги, опубликованном в «Московском Телеграфе» [23, с. 254–259], обращал внимание на то, что цифры, использованные Андросовым, взяты им из статистической отчетности московской полиции, а методика составления этих отчетов автором не приводится, и потому считать их достоверными Полевой не соглашался. «Трудно уличить автора в ошибках касательно чисел, ибо мы не знаем всех источников, которыми он пользовался; но известия его, не подкрепленные указаниями, и без наших замечаний будут иметь в глазах всякого настоящую свою цену» [Там же, с. 258].

«Путеводителя по Москве», изданного Глинкой, и «Статистической записки о Москве» Андросова, по мнению Голицына, было все же недостаточно для изучения древней столицы. В 1838 г. генерал-губернатор решил, что необходимо иметь полное описание Москвы. Специалистом, способным составить такое описание, считался историк и археограф П.М. Строев. Обратиться к Строеву Голицыну посоветовал Погодин, который их и познакомил: «Князь Дмитрий Владимирович желает познакомиться с вами, милостивый государь Павел Михайлович, и просит меня сделать для него это удовольствие. Самое удобное для него время – обед, к которому он и приглашает вас вместе со мною. Если вы согласны, то я к вам заеду завтра. Он хочет потолковать что-то о Москве» [5, т. 6, с. 186]. Но Строев от предложения Голицына отказался. Вместо него над описанием Москвы трудился историк, этнограф и археолог И.М. Снегирёв, который в 1841 г. выпустил книгу «Памятники Московской древности, с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы». Инициатором этого исследования, «первоначальной мыслью», был Д.В. Голицын [Там же, т. 5, с. 425].

Полемика, вызванная выходом «Статистической записки о Москве», не поколебала доверия Голицына к Андросову. Через несколько лет генерал-губернатор поддержал проект группы московских литераторов по изданию нового журнала. Под впечатлением от феноменального успеха у публики «Библиотеки для чтения», редактируемой О.И. Сенковским, Голицын, считавший, что «Москва должна учить вкусу в литературе», помог получить в Петербурге разрешение на издание нового журнала. Он даже сумел добиться благосклонности по отношению к нему со стороны министра народного просвещения С.С. Уварова.

Андросов и Мельгунов, при активном участии Погодина и Шевырёва, разработали программу журнала «Московский наблюдатель». В процессе обсуждения он сменил несколько названий. На первых порах обсуждалось название «Кремлёвский часовой». Затем обсуждали предложение Н.И. Надеждина купить у него права на издание журнала «Телескоп». После этого по Москве ходил слух, что новый журнал будет называться «Комета», а редактором его будет Шевырёв [5, т. 4, с. 331]. Но и этот слух не нашел своего подтверждения. Постепенно инициаторы проекта выработали следующие условия: «Этот журнал будет и литературным и торговым предприятием. Мы в нем участвуем и деньгами. Расходы должны простираться до сорока тысяч, потому что мы будем платить по ста пятидесяти рублей за печатный лист. Капиталу в основание журнала положено собрать в двадцать тысяч. Тысяча подписчиков окупают издержки. Что [будет получено] сверх того, делится между денежными соучастниками. До сих пор собрано более десяти тысяч. Мы все вносим по тысяче» [Там же, с. 230].

Первый номер нового журнала увидел свет в 1835 г. Андросов редактировал «Московский наблюдатель» на протяжении трех лет, а в 1838 г. редактором журнала стал типограф Н.С. Степанов, который привлек к активному участию в журнале видного публициста и литературного критика В.Г. Белинского.

Голицын имел отношение и к созданию журнала «Москвитянин»: «На обеде у князя Д.В. Голицына решено было издание. Просвещенный Московский градоначальник взялся ходатайствовать об этом деле вместе с [В.А.] Жуковским, потому что разрешение издавать журнал сопряжено было тогда с великими затруднениями» [5, т. 5, с. 108].

Интерес Дмитрия Владимировича к издательским проектам не ограничивался поддержкой книг о Москве и изданием журналов. Он планировал издание в Москве новой газеты. В конце 1820-х гг. слухи об этом дошли до северной столицы и в столичных коридорах власти видоизменились странным образом. По непонятной причине в Петербурге решили, что газету планирует издавать кн. П.А. Вяземский.

Самого Вяземского, когда он узнал об этом, известие повергло в шок, о чем он и поспешил написать Голицыну: «Из сообщенного мне Вашим сиятельством отношения к Вам графа [П.А.] Толстого о высочайшем запрещении мне издавать “Утреннюю Газету”, которую я будто готовился издавать под чужим именем, имею честь объявить, что государь император обманут был ошибочным донесением, ибо я не намеревался издавать ни под своим, ни под чужим именем ни упомянутой газеты, о которой слышу в первый раз, ни другого подобного периодического листа» [7, с. 344]. Голицын, симпатизировавший Вяземскому, поспешил объяснить ему сложившуюся ситуацию. Вяземский писал: «Оказалось, что эта “Утренняя Газета”, о которой не имел я ни малейшего понятия, была предположением самого князя Голицына (долго после приведенное в действие под именем “Полицейской Газеты”) и должен был ее издавать один из его чиновников» [Там же, с. 346].

Трудно сказать, зачем Голицыну была нужна еще одна официальная газета. Существовавшие тогда «Московские Ведомости» публиковали самые разнообразные материалы о деятельности генерал-губернатора. В качестве примера укажу на статью «О пожарном обозе», написанную кн. П.И. Шаликовым, в которой рассказывается, что Голицыну 6 мая 1829 г. была представлена новая техника для тушения пожаров в Москве. Особо подчеркивалось, что вся техника «построена» казенными мастеровыми, принадлежащими к пожарному депо [31]. Но идея об издании специальной газеты, хозяином которой было бы губернское правление, а не частные лица, нашла неожиданную поддержку у императора Николая I, который издал указ об учреждении во всех губернских городах специальных газет – губернских ведомостей.

В январе 1838 г. вышел первый номер новой газеты «Московские губернские ведомости». Газета состояла из двух частей: в первой публиковались распоряжения губернского правления, а во второй – различные исторические и краеведческие материалы по истории Москвы и Подмосковья. В 1842 г. газета обратилась к событиям минувшего десятилетия, когда после свирепствовавшей в Москве холеры московские купцы решили заказать изготовление бюста Голицына. В журнале Московского городского общества так было объяснено это решение: «В память благодарности московского купечества испросить Всемилостивейшее разрешение его императорского величества государя императора на сооружение его светлости князю Дмитрию Владимировичу Голицыну памятника от благодарного Московского купечества, и поднести сей памятник его сиятельству для хранения в его благородной фамилии навсегда» [6, с. 483].

Кроме печатных изданий и выпуска литературы о Москве, Голицын был склонен поддерживать и другие общественные инициативы просветительского характера. Н.П. Барсуков в биографии Погодина упоминает о готовности московского генерал-губернатора поддержать создание общества, целью которого должен был стать перевод различных классических книг на русский язык [5, т. 1, с. 163]. Он не только декларировал намерение поддержать зарождавшиеся просветительские общества, состоявшие из профессоров Московского университета, но и однажды посетил собрание «любомудров» [Там же, с. 218]. Кроме собраний этого общества, он посещал и собрания официального «Императорского Общества Истории и Древностей Российских» при Московском университете [Там же, с. 311]. Лекции профессоров университета он посещал не только по собственной инициативе, но и когда сопровождал приезжавших из Петербурга министров [5, т. 4, с. 81].

Дмитрий Владимирович находил время на то, чтобы заниматься не только московскими проблемами, но и всероссийскими. Вскоре после своего назначения генерал-губернатором Москвы он стал президентом «Московского общества сельского хозяйства», главной целью которого была пропаганда среди землевладельцев современных сельскохозяйственных технологий. С этой целью общество издавало «Земледельческий журнал». По свидетельству княгини М.К. Тенишевой, этот журнал (княгиня называет его «Земледельческой газетой») оставался единственным специализированным сельскохозяйственным изданием в России вплоть до 1880-х гг. и все это время субсидировался правительством. «Она (газета. – М.Б.) должна была отвечать зараз на все разносторонние запросы нашей необъятной земли, так что сельский хозяин, живущий на севере, неминуемо обучался культуре виноградников, южанин читал с любопытством об обработке льна на облогах³», – писала княгиня в мемуарах [11, с. 84–85].

Как писал в дневнике Погодин, московский главнокомандующий поддержал и проект устройства в городе «Эстетического музея», который был разработан жившем в Риме Шевырёвым и поддержан княгиней З.А. Волконской [5, т. 3, с. 181–182]. Необходимость такого музея в Москве объясняли тем, что в самом городе, в отличие от Петербурга, нет галерей, в которых желающие могли бы ознакомиться с величайшими произведениями искусства, а те частные музеи, которые имеются (Останкино и Кусково), находятся далеко от города. Но этот проект не получил поддержки и одобрения верховной власти.

³ Облог – запущенная, покрытая дерном, пашня.

Московский генерал-губернатор сумел выстроить отношения с жителями во время эпидемии холеры в 1830 г. Понимая важность спокойствия горожан, основанного на своевременном получении ими официальной информации, в период эпидемии он распорядился начать издание специального информационного листа – «Ведомости о состоянии города Москвы». Они выходили в качестве бесплатного приложения при «Московских Ведомостях». Редактором их был назначен Погодин. Здесь печатались официальные известия о болезнях и смертях, сообщалось о правительственных мерах по борьбе с эпидемией, о ходе эпидемии в разных регионах, а также публиковались медицинские советы о том, какие меры должны принимать жители для профилактики болезни. Издание специальных «Холерных Ведомостей» было не единственным общественно значимым действием, предпринятым московским главнокомандующим в это непростое время. Он обратился к представителям высшей аристократии с просьбой о поддержке. Был составлен специальный совет при губернаторе из сенаторов и проживавших в Москве сановников, каждый из которых стал отвечать за проведение мероприятий по борьбе с эпидемией в определенном районе города [5, т. 3, с. 208–209].

Выстраивание отношений с более широкими слоями городского населения представляло для генерал-губернатора определенные трудности. Два дня в неделю он принимал жителей, и представители любых сословий могли попасть к нему на прием, изложив свои проблемы. Существовала только одна трудность, на которую указывает Шевырѐв и которую с течением времени Голицын научился преодолевать: «Несмотря на недостаточное знание простонародного языка, проистекавшее в нем от иностранного воспитания – многолетняя опытность дала ему такой навык, что он умел находить приличный язык для каждого. Раздражался иногда пустыми жалобами, но с неутомимой добросовестностью выслушивал всех» [32, с. 8].

Голицын поддерживал и авторитет государственной власти, олицетворением которой он был в Москве. Генерал-губернатор стремился укомплектовать все местные органы власти наиболее талантливыми и способными сотрудниками. Служившие под его началом чиновники писали в мемуарах, что по отношению к понравившимся ему людям Дмитрий Владимирович мог вести себя совершенно «деспотически», всеми мерами заставляя их поступить на службу под его начало [17, с. 36]. Этот же мемуарист рассказывает, что генерал-губернатор мог находить компромисс со своими подчиненными и признавать собственную неправоту как начальника [Там же, с. 37].

Забота об авторитете власти в обществе и среди своих чиновников принимала у Дмитрия Владимировича иногда крайние формы. Бутурлин писал, что тот однажды запретил ему принимать участие в концерте: «Не принято было у нас, чтобы актеры из нашего высшего общества участвовали на публичных (т.е. за деньги) концертах профессиональных артистов» [8, т. 2, с. 628].

Московский генерал-губернатор не только покровительствовал столичным интеллектуалам, но и устроил в начале 1840-х гг. в собственном доме салон, где собирались литераторы и профессора Московского университета. Салон мыслился как продолжение первого Московского литературного салона, организованного старшим братом Дмитрия Владимировича, Борисом Владимировичем, накануне Отечественной войны 1812 года, который посещали Н.М. Карамзин и А.Ф. Мерзляков. Бывала здесь и знаменитая французская писательница баронесса Анна-Луиза-Жермена де Сталь-Гольштейн (мадам де Сталь).

Литературный салон московского генерал-губернатора получил высокую оценку на страницах журнала Погодина «Москвитянин»: «У гостеприимного и просвещенного начальника нашей столицы собирается каждую неделю круг ученых и литераторов. В мирной беседе о науке, искусстве и словесности, всегда готовый предложить им содействие, оценить прекрасную мысль, ободрить полезное начало, он таким образом благородно отдыхает от своих тяжких трудов государственных. На этих вечерах, по желанию благосклонного хозяина, читаются иногда произведения известных литераторов наших» [20, с. 310].

Один из московских литераторов того времени предлагал в своих «Записках» другую («полицейскую») версию возникновения литературного салона: «Ему (Голицыну. – М.Б.) было велено наблюдать, и наблюдать за всеми бывающими на наших вечерах. Он, как человек благородный, нашел такое средство, чтоб этих же людей приглашать к себе и тем, с одной стороны, узнать скорее их образ мыслей, с другой – успокоить правительство тем, что они и у него бывают!» [14, с. 456].

М.А. Дмитриев (племянник И.И. Дмитриева) пишет, что на вечерах у князя была непринужденная атмосфера: «Эти четверги князя были самыми приятными, и лучше всех наших вечеров. На них говорилось свободнее, чем у нас, потому что сам генерал-губернатор был свидетелем и участником этих разговоров: никого уже не боялись; а вредных политических рассуждений и без того никому не приходило в голову» [Там же]. Мемуарист добавляет, что на вечерах у Голицына по желанию хозяина читали стихи, и упоминает еще одну отличительную особенность его салона: «Был всегда прекрасный и тонкий ужин, чего у нас не было!» [Там же].

Голицыну очень хотелось видеть в своем салоне Н.В. Гоголя. Погодин и Шевырѐв долго не могли уговорить знаменитого писателя приехать к главному начальнику Москвы. Как пишет М.А. Дмитриев, самым весомым аргументом, объяснявшим отсутствие Гоголя на вечерах Голицына, было отсутствие у писателя фрака, на что хозяин дома отвечал, что пусть приезжает в сюртуке. Однако, как пишет тот же мемуарист, приехал он к князю во фраке и читал повесть, опубликованную впоследствии в журнале «Москвитянин» под названием «Рим». М.А. Дмитриев, не любивший Гоголя, оставил в своих «Записках» описание Гоголя в салоне Голицына: «Он приехал во фраке, но не сказав ни слова, сел на указанные ему кресла, сложил ладонями вместе обе протянутые руки, опустил их между колен, согнулся в три погибели и сидел в этом положении, наклонив голову и почти показывая затылок» [14, с. 457]. Присутствовавший на чтении С.Т. Аксаков (симпатизировавший Гоголю) писал, что, несмотря на высокое достоинство пьесы, слишком длинной для чтения на рауте, «чтение почти усыпило половину слушателей; но, когда к концу пьесы дело дошло до комических разговоров Итальянских женщин между собою и со своими мужьями, все общество точно проснулось и пришло в неописанный восторг» [1, с. 213].

Представители московского образованного общества не упускали ни одного удобного случая, чтобы выразить свою симпатию к генерал-губернатору. На различных торжественных мероприятиях за него поднимали третий тост, после здравия государя императора и виновника торжества, как это было в 1827 г. на праздновании полувекового юбилея научной деятельности знаменитого московского врача Х.И. Лодера [5, т. 2, с. 163].

Интересная история произошла в 1833 г. в московском Английском клубе. В этом году Дмитрия Владимировича решили избрать в число старшин клуба. Однако по уставу клуба почетный член, которым являлся Голицын, не мог быть старшиной. Тогда было решено присвоить генерал-губернатору звание почетного старшины. В честь нового почетного старшины 12 апреля 1833 г. был устроен торжественный обед, куда пригласили только членов Английского клуба: «Общество хотело иметь у себя одного гостя, предоставив ему пригласить с собою прибывшего из Петербурга известного баронета [Я.В.] Вилье, президента Медицинской Академии» [Там же, т. 4, с. 183–184].

В последние годы жизни Голицына, когда он уже не мог уделять много сил управлению Москвой, а был вынужден долго лечиться в Италии, представители московского общества, оказывавшиеся вместе с ним в одном иностранном городе, обязательно посещали его с визитами [Там же, т. 5, с. 239, 255].

После смерти князя было написано большое количество воспоминаний о нем, которые были опубликованы в различных газетах и журналах. Больше всего для увековечивания его памяти сделали Погодин и Шевырёв. Они писали и публиковали некрологи Голицына в газетах и журналах и издавали их в виде отдельных брошюр.

Шевырёв в некрологе перечислял вехи военной карьеры Дмитрия Владимировича и особо останавливался на эпохе его губернаторства в истории Москвы. Правда, под пером автора генерал-губернатор предстал не в качестве главного инициатора восстановления и развития Москвы после пожара 1812 г., а как бы сторонним наблюдателем процессов происходящих в городе: «На его глазах поднялось вновь столько дивных, колоссальных зданий, на его глазах сады зеленым венцом обвили Кремль и доросли до густой тени: бульвары широкою цепью облегли город; болота превратились в гулянья, вода из-за 17-ти верст взошла на Сухареву башню и оттуда богатыми фонтанами разлилась по площадям и по улицам» [32, с. 3–4]. Шевырёв характеризовал его художественный вкус, который нашел свое воплощение в архитектурном убранстве построенных в это время в Москве зданий: «Нельзя не припомнить, как он колоссально понимал размеры нашей столицы в ее наружном виде, как величие исполинское считал он главным условием всех ее зданий, украшений и памятников!» [Там же, с. 4].

Далее Шевырёв сосредоточился на описании деятельности покойного генерал-губернатора в других сферах. Он вспоминал про большое количество благотворительных учреждений, которые появились в Москве в период губернаторства Голицына. Упомянул о том, что тот способствовал появлению и развитию в Москве мануфактур и фабрик: «Как любил он именитое купеческое сословие! Как заботился о всякой для него льготе – и каким глубоким сочувствием оно отвечало ему за его попечения! Он позволял себе гордиться только этой любовью: вот единственное чувство гордости, которое находило доступ к его чистому и скромному сердцу» [Там же, с. 5].

Некоторые из некрологов, как, например, некролог, написанный кн. М.Н. Голицыным, преследовали и весьма практические цели: «Несколько экземпляров этой тетрадки будут отданы в продажу от нашей больницы, ему исключительно обязанной, как началом, так и улучшением своим, а сумма, вырученная за них, поступит на пользу бедных, толпами ежедневно являющихся, как и вам самим известно, в наше Богоугодное заведение» [11, с. 8].

Его вспоминали и другие руководители различных учреждений, созданных в городе благодаря Д.В. Голицыну. Он являлся попечителем Московской практической академии, созданной для образования детей

купцов. Главной задачей попечителя было решение проблем, которые возникали у академии с различными ведомствами: «Двадцать четыре года он был ее попечителем и неутомимым о ее пользе ходатаем у престола монарха» [16, с. 3]. В этой же памятной речи отмечаются особенности характера Голицына: «Мы зрели в нем не мужа, облеченного сильною властью, не вельможу – недоступного в своих палатах, не богача – презиращего скудность, но [славного?] чистою любовью к ближнему; она заставляла его быть везде и всегда внимательным и доступным» [Там же, с. 4].

Итак, мы видим, что история взаимоотношений Голицына с теми или иными слоями городского общества была различной. С одной стороны, это продуманная политика привлечения на свою сторону популярных в городе людей, как произошло в случае с Глинкой. С другой – понимаемая важность развития средств массовой информации, генерал-губернатор выступал инициатором создания новых изданий, которые должны были показывать его фигуру в качестве просвещенного правителя города, чувствующего дух времени и в соответствии с ним управлявшего Москвой. Для достижения этой же цели в городе было создано большое количество медицинских, образовательных и благотворительных учреждений. За время губернаторства Голицына они окрепли и стали привычными элементами городской инфраструктуры, облегчавшими жизнь представителям самых разных городских слоев.

Библиографический список

1. Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем // Аксаков С.Т. Собр. соч. в 4-х т. М., 1956. Т. 3.
2. Андросов В.П. Взгляд на состояние финансов в Великобритании // Атеней. 1828. № 8. С. 85–90.
3. Андросов В.П. Замечания на прибавления к статье о философии // Вестник Европы. 1823. № 1. С. 171–192; № 3–4. С. 85–109.
4. Андросов В.П. Статистическая записка о Москве. М., 1832.
5. Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. В 22-х т. СПб., 1888–1910.
6. Бюст светлейшего князя Дмитрия Владимировича Голицына, сооруженный Московским купечеством // Московские губернские ведомости. 1842. № 22. С. 483–487.
7. Вяземский П.А. Записные книжки. М., 2017.
8. Записки графа М.Д. Бутурлина: В 2-х т. М., 2006.
9. Глинка С.Н. Письмо из Москвы к иногороднему приятелю о причинах учреждения больниц, богаделен, тюрем, смиренных домов и о нынешнем состоянии московских богоугодных и тюремных заведений // Русский Вестник. 1820. № 9. С. 73–87.
10. Путеводитель по Москве, изданный Сергеем Глинкой, сообразно французскому подлиннику г. Лекоента де Лаво, с некоторыми пересочиненными и дополненными статьями. М., 1824.

11. Голицын М.Н. Несколько слов в память незабвенного начальника князя Дмитрия Владимировича Голицына. М., 1844.
12. Громачевский А.Л. К жизнеописанию светлейшего князя Д.В. Голицына // Русский Архив. 1894. № 11. С. 337–342.
13. Дело об определении В.П. Андросова в студенты Императорского Московского университета // Центральный государственный архив города Москвы. Ф. 418 (Московский Университет). Оп. 116. Д. 390.
14. Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний о моей жизни. М., 1998.
15. Иванов О. Князь Д.В. Голицын против III Отделения: По документам Архива III Отделения, секретному архиву московского генерал-губернатора и публикациям // Московский Журнал. 1993. № 2/3. С. 18–26.
16. Классен Е.И. Речь в память усопшего попечителя Московской практической коммерческой академии, светлейшего князя Дмитрия Владимировича Голицына, говоренная в Академии мая 23 дня 1844 года. М., 1844.
17. Записки Александра Ивановича Кошелева. М., 2002.
18. Письма Владимира Алексеевича Муханова братьям // Шукинский сборник. Вып. 5. М., 1906. С. 293–294.
19. Орлов А.А., Турилова С.Л. Московский генерал-губернатор князь Д.В. Голицын и польский поэт Адам Мицкевич // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы. Материалы VI Голицынских чтений 23–24 января 1999 г. Большие Вязёмы, 1999. С. 39–53.
20. Погодин М.П. Литературные вечера у князя Дмитрия Владимировича Голицына // Москвитянин. 1842. № 1. С. 310–311.
21. Погодин М.П. Письма к Шевырёву С.П. с введением и историко-литературными объяснениями Н.П. Барсукова // Русский Архив. 1882. Т. III. С. 69–126.
22. Погодин М.П. Статистическая записка о Москве. Сочинение В. Андросова // Телескоп. 1832. Ч. 8. С. 388–414.
23. Полевой Н.П. Современная библиография // Московский Телеграф. 1832. № 6. С. 254–259.
24. Рязанов А.М. Князь Дмитрий Владимирович Голицын – участник Отечественной войны 1812 года // Калужская губерния в Отечественной войне 1812 года. Малоярославец, 1994. С. 147–154.
25. Рязанов А.М. Князь Дмитрий Владимирович Голицын – участник сражения под Красным // Хозяева и гости усадьбы Вязёмы. М., 1995. С. 90–97.
26. Рязанов А.М. Князь Дмитрий Владимирович Голицын на посту Московского генерал-губернатора // Захарово–Вязёмы: Сб. материалов научно-практической конференции «Пушкинский музей-заповедник: проблемы музеефикации». Можайск, 1995. С. 50–55.
27. Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. СПб., 2014.
28. Цензура в царствование императора Николая I // Русская Старина. 1903. Т. СХIII. С. 305–328.
29. Цоффка В.В. Братья князя Борис Владимирович (1769–1813) и Дмитрий Владимирович (1771–1844) Голицыны в годы войны и мира // Захарово–Вязёмы. Сб. материалов научно-практической конференции. Можайск, 1993. С. 62–73.
30. Цоффка В.В. Князя Борис Владимирович и Дмитрий Владимирович Голицыны в мемуарах русского генерал-майора барона В.И. Левенштерна // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы:

Материалы научной конференции, с. Бородино, 1993 г. Бородино, 1994. С. 102–107.

31. Шаликов П. О пожарном обозе // Московские Ведомости. 1829. № 39. Стлб. 1828–1829.
32. Шевырѐв С.П. Князь Дмитрий Владимирович Голицын. М., 1844.

Батшев Максим Владимирович – научный сотрудник Центра информационного обеспечения и документации наследия, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачѐва, г. Москва

E-mail: bmv@list.ru

M. Batshev

Moscow Governor-General Prince D.V. Golitsyn
and the metropolitan society:
Experience in the reconstruction of relationships

In the history of Moscow in the XIX century there was a period about which the inhabitants of the city recalled with delight several decades later. This is the time of the general governorship in Moscow from 1820 to 1844 of the Most High Prince, the hero of the Patriotic War of 1812 and the foreign campaigns of the Russian army Dmitry Vladimirovich Golitsyn. His main task as the Moscow governor-general was the restoration of the city after the Patriotic War of 1812. He coped brilliantly with this task. The article reveals the other side of his activity – building relationships with Moscow-educated society. Building relations with this part of the population of Moscow, the Governor-General supported initiatives to create various societies (Moscow Society of Agriculture, “The Imperial Society of Russian History and Antiquities” at Moscow University etc.), and also promoted initiatives to publish newspapers, magazines and books. He was inspired by the idea of publishing a special newspaper, the owner of which would be the provincial government, and not private individuals (later provincial Gazette appeared in all regions of Russia). In the early 1840s he created a salon in his own house, where writers and professors of Moscow University gathered.

Key words: Prince D.V. Golitsyn, history of Moscow, history of government in Russia in the first half of the XIX century.

Batshev Maxim V. – researcher of the Center for Information Support and Documentation of the Heritage, Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow